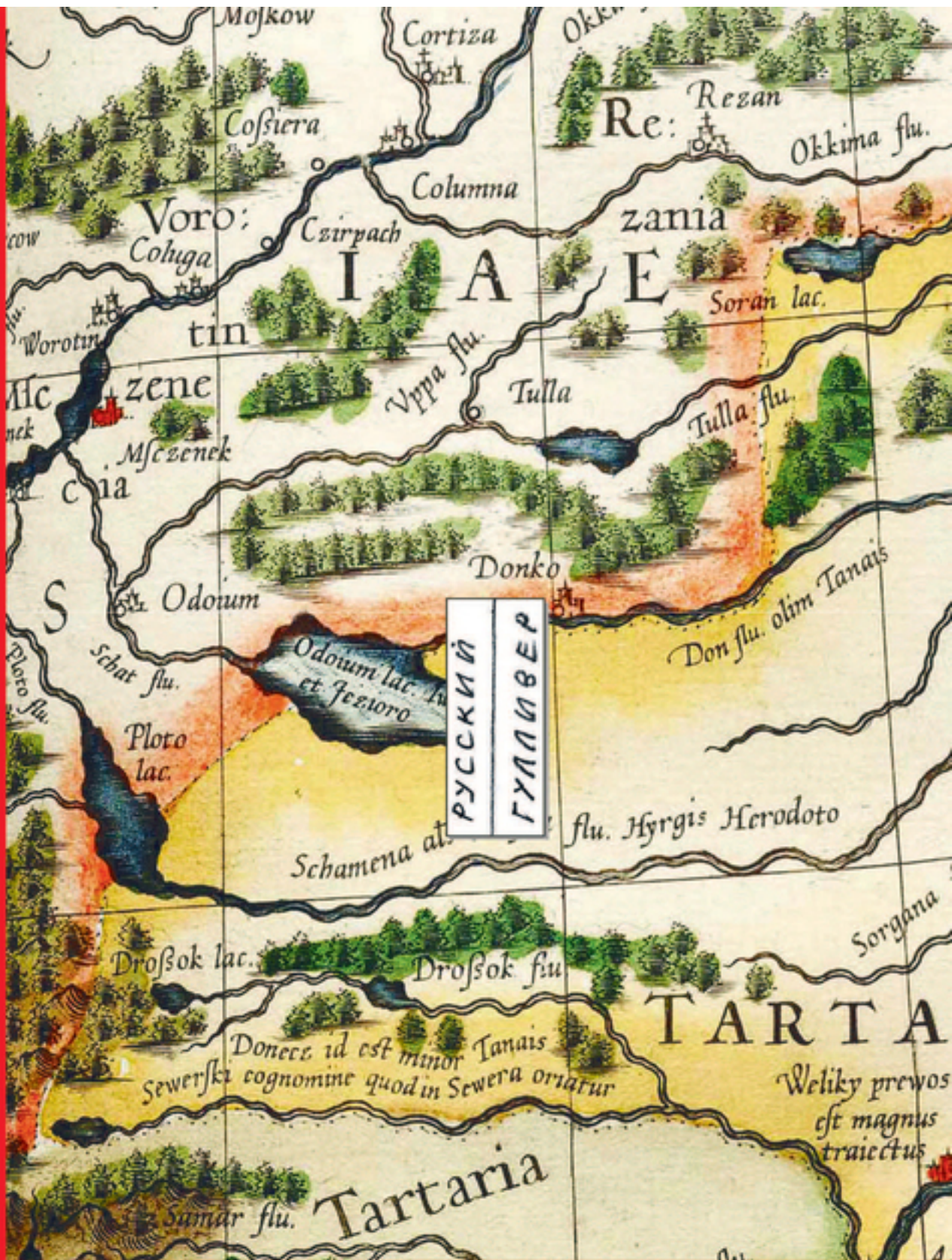

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

Я ЖДУ ВАС ПОТОМ

Сергей Соколкин

Я жду вас потом

ИП «Центр современной литературы»

Соколкин С. Ю.

Я жду вас потом / С. Ю. Соколкин — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-025-9

Сергей Соколкин — член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор четырех книг стихов. Стихи печатались в 50 газетах, журналах и альманахах («Урал», «День», «Литературная газета», «Завтра», «Литературная Россия», «День литературы», «Комсомольская правда», «Наш Современник», «Смена» и др.). Первый лауреат Международной литературной премии им. Андрея Платонова «Умное сердце» (1994), дипломант премии ФСБ России (2007). Песни на его слова включены в репертуар более чем пятидесяти отечественных исполнителей.

ISBN 978-5-91627-025-9

© Соколкин С. Ю.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Об авторе	6
Стон Святогора	7
Ожидание первое	12
Масленица	12
«Зачищены три олигарха...»	14
«Страну украли...»	15
«Я не сторож брату своему...»	16
Вечный огонь	17
Парк Победы	18
Карта мира	19
Русский флаг	20
«Дано нам жить под строгим небом...»	21
Страшный сон	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Соколкин

Я жду вас потом Книга стихотворений

«Русский Гулливер» продолжает обращение к архетипам отечественного сознания и поэтическим практикам, их отражающим. Сергей Соколкин продолжает традицию русской поэзии, начатую Сергеем Есениным, Павлом Васильевым и подхваченную Юрием Кузнецовым, Николаем Тряпкиным, Николаем Рубцовым, сознательно отказавшись от претензий на место в мировой культуре в пользу культуры национальной. Жертвенность их самоограничения была благодарно воспринята российским читателем, превратилась в самостоятельную поэтическую школу, которую нельзя обойти вниманием, рассматривая современные тенденции в словесности.

Темы любви к Родине, патриотизма, уникального пути нашей страны и специфики национального духа вновь стали актуальны в обществе и, так или иначе, находят свое воплощение в творчестве каждого пишущего человека. Соколкин работает со сказочным русским «советским мифом», взяв его в неизменном виде из своей юности – присягнув ему однажды, он с благородным упорством остается верным ему до конца. Похвальное качество на фоне мельтешащей моды, безосновательного возвеличивания или, наоборот, низвержения прежних ценностей. По словам критика Кирилла Анкудинова, главным лирическим героем поэта стал великан Святогор, персонаж русского фольклора. Русский Гулливер попытался познакомиться со своим былинным собратом.

Об авторе

Сергей Соколкин – член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор четырех книг стихов. Стихи печатались в 50 газетах, журналах и альманахах («Урал», «День», «Литературная газета», «Завтра», «Литературная Россия», «День литературы», «Комсомольская правда», «Наши Современники», «Смена» и др.). Первый лауреат Международной литературной премии им. Андрея Платонова «Умное сердце» (1994), дипломант премии ФСБ России (2007).

Песни на его слова включены в репертуар более чем пятидесяти отечественных исполнителей.

Стон Святогора

Поэты часто отождествляют себя с тем или иным зверем, литературным персонажем, мифологическим героем. Поэт Сергей Соколкин раз за разом сравнивает себя с самым странным, самым таинственным насельником древнерусских былин – с богатырём Святогором.

Продираясь сквозь чёрные боры,
тьму народов и тысячу лет,
я себя ощутил Святогором.
Святогор – мой отец и мой дед.

(«Продираясь сквозь чёрные боры...»).

Восточнославянская языческая мифология – в отличие от кельтской или древнегерманской мифологии – сохранилась лишь малыми обрывками. Былины о Святогоре – чудом уцелевшие обломки прадревних славянских мифов «титанического» периода; Святогор – бесспорный родственник античных титанов. Его происхождение темно. В.В. Иванов и В.Н. Топоров полагают, что Святогор-веретенник – прижившееся на славянской почве иранское божество Веретрагна, одна из инкарнаций которого – сокол.

А что, всё сходится: Святогор—сокол—Соколкин... Сергей Соколкин – далеко не первый Святогор в русской поэзии.

Не ищу я путь об одном конце,
А ищу я шар об одном кольце.
Я в него упрусь изо всей ноги,
За кольцо схвачусь изо всей руки.

Мать-Вселенную поверну вверх дном,
А потом засну богатырским сном.

(Юрий Кузнецов. «Ты не стой, гора, на моём пути...»).

Но Юрий Кузнецов – Святогор торжествующий, похваляющийся. А Соколкин – Святогор поверженный.

Говорит Святогор да Илье Муромцу:
«Ай же ты, Илья да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюсь».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты, Илюшенька да Муромец!
Мне в гробу лежать да тяжёленько,
Мне дышать-то нечем, да тошнёшенько,
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щёлочка не открывается.

(«Святогор». Былина Пудожского края).

Что это за гроб, в котором нашёл себе кончину силач Святогор – роковой дар новых, молодых, «культурных» богов, аполлонов и афиин, покончивших с титанами? Или Христианство? Неизвестно. Былины о Святогоре – самые страшные древнерусские былины. Позже будет не так страшно: на каждого Змея или Тугарина найдётся Илья Муромец, и всё закончится счастливо. Сюжет о Святогоре – свидетельство какой-то довременной, докультурной, совершенно безысходной трагедии из чёрного запредельного бытия, о котором ныне и не вспомнит никто.

* * *

Сергей Соколкин – поэт есенинского типа: безоглядный, эмоционально щедрый, мощно чувствующий, размашисто мыслящий. И очень русский. Но в его поэзии нет ни весенней умильности раннего Есенина, ни августовской умудрённой гармоничности Есенина позднего. Даже «средний Есенин» – имажинистский, надрывный, Есенин «Инонши» и «Сорокоуста», Есенин растравы и пьяного угара – куда более светел и гармоничен, нежели Соколкин.

Иногда в стихах Соколкина на миг появляется «есенинская Русь»: берёзки, церковные купола, – и сразу же искажается и исчезает, словно обманная голограмма.

Как вороны кружат над падалью
облетая границы адища,
а с церковок кресты попадали,
да как звёзды и все на кладбище...

(«И когда петух заскочив на кол...»).

В этих стихах всяческих ужасов поболее, чем в приличном триллере. Достаточно перелистать книгу Соколкина, чтобы набрать коллекцию. «А по Руси шакалов диких свора». «Сжигают руки дьяволы и бесы». «Обняв холодный труп, сидит солдат». «Мертвецы поползут из гробов». «И деревья, вытягиваясь к Богу, корнями землю, как собаки, рвут». «И лишь деревья по земле незрячей, как высохшие ящеры, ползут». «А тело серебрится вечным трупом и в колокол судьбы ногами бьёт». «Запинаясь о собственный труп, я иду на Царьград». «И плотию своей – оступленной и синей – я земляных червей досыта накормлю».

Прямо-таки данс-макабр.

Кстати, ужасы Соколкина – не ужасы Юрия Кузнецова: математичные, симметричные, выверенные. И даже благостно-идиллическая картинка у Соколкина взрывается бесовщиной...

...там батюшкина пустынька к ночлегу
встречает чаепитием гостей.

Там и без слов открыто сердце Богу.
И ветер слёг во вдумчивой ночи.

С молитвой тихою сливается дорога.
И бес в окно стучит...

(«На кладбище...»).

Как же без беса?...

Кстати, как-то неубедительна вся эта благодать. «Ветер слэг...». Как больной, что ли? «С молитвой тихою сливается дорога». Словно бы язык у автора во рту разбухает, с трудом ворочается, не даёт высказаться. При том, что Соколкин бывает потрясающе точен, описывая вселенские битвы и ураганы. Нет, не для карамзинско-жуковских элегий и идиллий Соколкин сотворён. Темперамент не тот. Соколкин – поэт-воин. И даже ангелы в его стихах сражаются плечом к плечу с русскими десантниками.

И душа за душой отлетает, —
вместо —
ангел становится в строй.

(«Шестая рота»).

Вообще-то, христианских реалий, знаков, образов, мет в стихах Соколкина очень много. Но под каким странным углом, в каком диком изломе они подаются...

Гряди ж, Иисусе Господи, скорее...
Утробу выжги матери-земли.

(«Гряди ж, Иисусе Господи, скорее...»).

И далее...

...рождаясь, рвём скорее пуповину,
заражены – свободой от Тебя.

Христос, выжигающий утробу матери-земли и заражающий свободой? Я – по аналогии – вспомнил диковинную поэму Юрия Кузнецова «Путь Христа», в которой Мария Магдалина объявила Христа виновником всех её злоключений (Христос отверг плотскую любовь Марии Магдалины, и она «с горя пошла по рукам»).

свобода совести простительна юнцам,
но не тебе, душа...

Не то психея поэта трагически мечется между славянским родовым капищем и моленной. Не то Святогор хрипло и кроваво проламывается из гроба. Но куда? Реальность закатана в сто слоёв: язычество прорастает в Христианство, сверху на него ложится классическая европейская культура со всеми её соблазнами, затем на это накладывается советское бытие, а потом – как довершение – бытие постсоветское, рыночно-демократическое. Где правда? Правду не видать. Вместо неё – безостановочное движение. Деревья пожирают корнями землю, с церковью валяются кресты, из бездны кричит не зачатый плод, бегут крысы, летят над землёй чёрные всадники, вспыхивают и гаснут степные рати – то половецкие, то монгольские, то хазарские. Проходят века и тысячелетия, но широкое поле русской судьбы – неизменно и неизменчиво.

И тогда приходит Она. Женищина.

* * *

Любовь для Соколкина – это весенний дурман, сладостно-мутный морок, наваждение, меряченье...

...где бросаются чувства на шею,
словно волны,
почти без труда.

(«Море что-то бормочет влюблённо...»).

И с Женщиной – ничего не понять. Героиня лирики Соколкина – не кузнецовская «змея», вечная соперница мужчины (поэта, добра-молодца), его мучительница – и одновременно – его жертва. Но какова она, эта героиня?

Ты злая, ты холодная, ты снежная.
Ты маленькая, добрая и нежная.
Всё врёт метель! Ты добрая. Ты злая.
Ты равнодушная.
А, впрочем, я не знаю.

(«Зимние метаморфозы»).

Как же любить такую? Непонятно. И, вообще, что есть любовь?

И то, что в себе мы зовём любовью,
Мы жестокостью в других зовём.

(«Сегодня я понял, что тебя я люблю...»).

Может, лучше отбросить это неясное, туманное, обольстительное, самовыворачивающееся понятие «любовь», отдавшись надёжному мужскому плотскому влечению?

Любовь пытать – жестоко,
лучше тело
отдать на растерзанье палачу.
Ты слишком глубоко во мне засела.
Но я мужик
и я тебя хочу.

Честнее так...
А жалости мне мало
к тем нам, что до сегодня не дошли.
Хочу, чтоб ты – сейчас – моею стала.
Но лишь ценой всех призраков любви!

(«Всё ещё любимой»).

Но тогда любовь явится сама – притом в ту минуту, когда она абсолютно недоступна. Например, к узнику в тюрьму...

Сделаю отступление: да, было дело. В 1993-м году Сергей Соколкин месяц отсидел в Бутырке – «за хранение и ношение оружия» (на самом деле он вёл журналистское расследование о поступлении оружия в Москву – и, судя по всему, перешёл дорогу оружейной мафии).

О чём грезит узник в заточении? О любви. О той самой любви, в которой он сомневался, пребывая на воле...

Протяни мне —
в прощаньи застывшие – руки.

Я вернусь! Я тебя никому не отдам!

Я ворвусь к тебе ночью,
как воин ликуя,
упаду пред тобою в священном бреде.
И губами, забывшими вкус поцелуя,
как к колодцу, к любимым устам припаду.

(«Дорогая, как там ты за мукой-разлукой...»).

И снова этот вектор – напролом, сквозь стены и решётки, сквозь железо и камень. За словом Сергея Соколкина я вижу жест – нет, я вижу удары окровавленных и истерзанных дланей Святогора – о проклятую дубовую крышку. Я слышу хриплый стон Святогора.

Сейчас сочиняется чересчур много бестрепетно-профессиональных, хладно-неуязвимых стихотворений. Поэзию Сергея Соколкина я никак не могу назвать «неуязвимой»; каждая строка Соколкина останавливает, обращает на себя внимание, ранит, саднит, обескураживает, раздражает или влюбляет. Поэзия Сергея Соколкина – не бестрепетна. Она – живая. Подлинная. Настоящая.

Кирилл Анкудинов

Ожидание первое Вне русских слов на русском языке

Масленица

Кто на Руси не любит шумной казни,
веселой разудалой русской казни —
с блинами и икрой кроваво-красной
и водкой серебристо-ледяной?!

Гуляй, честной народ, сегодня праздник,
гуляй, братва, и пей за сырный праздник.
Царь-батюшка не любит трезво-праздных,
царь-батюшка сегодня сам такой...

Попеть бы, погулять бы, побухать бы
и с каждой спелой бабой справить свадьбу.
Под утро свадьбу, ночью снова свадьбу.
Че рот раззявил, наливавай полней!

Кто кровь не любит погонять по венам,
севрюжину и с хреном и без хрена,
язык русалки к яйцам или к хрену!
Ух, расплодилось по весне блядей...

Как весело, легко снежинки кружат,
румяных мягких баб головки кружат.
Из сочных девок груди прут наружу
и набухают солнцем и весной.

И парни, затянув себя потуже,
друг дружку лупят искренне по рожам,
по красным мокрым и счастливым рожам.

Дудят рожки и громяют трубы,
и чарочки братаются друг с другом.
Лихой купец целует девок в губы
и самым сочным дарит соболя.

И казнокрад монаху дует в уши
и нищим пятаки бросает в лужи.
Ведь завтра он уже царю не нужен,
башка его не стоит и рубля...

И вот везут по кочкам и ухабам

большую разухабистую бабу,
соломенную фифу, дуру-бабу.
Не баба – смерть уселась на санях.

Ее когтит медведь, она и рада.
Цепной шатун-медведь. И нет с ним сладу.
Он мясо жрет, пьет водку с шоколадом.
И пиво пенно плещется в бадьях.

Вокруг идет-гудет война-работа,
храп лошадей и псовая охота.
И мне охота, и тебе охота, —
так получай метлою в левый глаз.

Ну, потерпи, соколик, белый голубь...
Ты победил, – тебя за шкварник – в прорубь,
глотни с ведра. И голой жопой – в прорубь.
И еще раз. И двести сорок раз...

А праздник разгулялся, шумный праздник,
полнеба подпалил уже проказник.
Он, как жених, красив – палач-проказник, —
лишь спичкой чиркнул. И – за воротник.

Он язычком ласкает бабу красным, —
огонь, огонь, ах, как она прекрасна
в страданиях... Кто не любит шумной казни...
Кто не любил, давно уже привык...

И пьяный попик на корявых ножках
пьет из горла. И с ним какой-то – в рожках,
пушистенский – в совсем нестрашных рожках.
Дает-сует хрустящие рубли.

Едят блины и взрослые и дети,
едят блины и «до» и «после» смерти.
У русских – первый блин идет за третьим.
И за четвертым – тоже первый блин.

«Зачищены три олигарха...»

Зачищены три олигарха.
Но это сверху, —
Богом данное...
Большой Иван кутит без страха
с опричниною окаянною.

Отрезанными головами
по-над страной собаки лаются.
И птицы с черными крылами
с восьми концов сюда слетаются.

Но не берут меня в Малюты.
Теперь Малюта – имя бранное.
Как будто – малая валюта,
но, впрочем,
тоже Богом данная.

Теперь словарь собачий в моде...
Скинхед —
какое имя странное.
И я скинхеду дал по морде —
за то, что слово —
иностранное.

«Страну украли...»

Страну украли.
И потерян след.
До послезавтра доживем едва ли.
Гуляет доллар, как хмельной сосед.
При Сталине бы расстреляли.

Куда мы мчимся,
позабыв азы,
(все нам – «хип-хоп»,
и все нам – «трали-вали»),
забыв, что мы народ, забыв язык!
При Сталине бы расстреляли.

Кричу я: – Люди, мы ж не хуже всех!..
Но тишина. И я опять в печали.
В печали я!
Уныние – есть грех.
При Сталине бы расстреляли...

«Я не сторож брату своему...»

Я не сторож брату своему.
И не брат я сторожу тому,
кто стрелял на соловьиный шорох,
кругом первым сделав Колыму.

Я не сторож брату твоему,
что поверил в гордую войну.
И стрелял на Север, Юг и Запад,
доверяя Богу одному.

Просто брат я брату своему,
просто честь не подчинить уму,
просто он тогда меня не выдал...
И теперь мне трудно одному.

Я не сторож брату своему,
приглашаю всех на Колыму...

Я в Москве люблю ходить на небо,
а еще – в Бутырскую тюрьму...

Вечный огонь

Я не курю, – подальше от греха...
Забуть пытаюсь имя Герострата.
И Евы Браун тень в годах-веках
передо мной ни в чем не виновата.

Уже никто ни в чем не виноват.
Лишь конь в пальто горит в лучах заката.
И, журавлиный клин сминая, в ад
проходят строем по небу солдаты.

И из разрывов вековых пластов
огонь,
что, изрыгнув подошвы Рима,
спалил Союз,
становится костром,
облизываясь в сторону Берлина...

Парк Победы

На ощупь танк – зеленый трактор с пушкой,
привет с Урала – с темною душой...
И всё. Капут! Лишь глупая кукушка
соперничать пытается с судьбой.

Глаз слепит солнце. И воют дети.
Старик напуган последний свой кулак.
Ведь главное —
куда подует ветер,
в какую сторону развернут русский флаг.

Карта мира

Ладонь, как танк, пылит по карте старой, —
земля бугрит,
горит со всех сторон.
Ведь направленье главного удара
пульсирует со сталинских времен.

Я слышу голоса: и днем и ночью
накатывают, — вал
за валом вслед.

И вещей гул
прадедовых побед
в моей крови крепчает с новой мощью.

Чем наяву страны хребет слабее,
народа меньше — чем толпы пустой,
тем круче верю в путь Её святой,
грядущей славы отзвук всё яснее.

И чем страшней,
отверженнее лица
героев и поэтов, и вождей,
тем путь светлей, —
на звездах штык-ножей
небесный воздух снова шевелится.

Издравле клином вышибают клин,
кулачным боем разминают мышцы.
Упруги стали русские границы —
звучит приказ короткий:
«На Берлин!».

Русский флаг

Русский флаг, что русское оружие,
как улыбка Ваньки-дурака,
что с лица не сходит,
птицей кружит
вдоль по сердцу – в тучах-облаках.

...Оба войска пали над обрывом,
прокричал стервятник вдалеке,
звезд лучи скрестились над заливом,
ангелы поплыли по реке...

Умирает Ванька, но счастливый,
древко сжав в недрогнувшей руке.

«Дано нам жить под строгим небом...»

Н.И. Тряпкину

Дано нам жить под строгим небом —
у верной Родины в горсти,
чтоб, умирая,
русским хлебом
по всем окопам прорасти.

Как сеятель в часы восхода,
Любовь,
что Господом дана,
бросает
 только в чрево рода
свободы вечной семена.

Страшный сон

Нам не дожить до Страшного Суда.
Уходит мир сквозь пальцы, как вода.

Уходит сила
в землю-мать – не зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.